

2022-10-08 Газета "Правда" о подвиге "советского Сусанина"

Любой из нас, кто интересуется отечественной историей, знает о подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина, который в 1613 году завёл в лесную болотную глушь отряд польских интервентов и тем самым спас жизнь молодому русскому царю Михаилу Романову. Ценой своей собственной жизни. Но мало кто из нас знает о том, что спустя 330 лет подвиг Сусанина повторил в 1942 году другой русский крестьянин — 83-летний Матвей Кузьмин. Он в качестве проводника вывел батальон гитлеровских солдат через леса на Псковщине на засаду красноармейцев, в результате чего сотни оккупантов были убиты, но и сам Кузьмин, как и его предшественник в XVII веке, также пожертвовал собственной жизнью...

Матвей Кузьмич Кузьмин родился 21 июля 1858 года в деревне Антоново-Куракино Псковской губернии ещё при крепостном праве. Его родители были крепостными крестьянами помещика Болотникова.

После отмены крепостного права многочисленная семья Кузьминых, где было много рабочих рук, сумела создать крепкое крестьянское хозяйство. Матвей вырос, женился, в его семье было восемь детей. Казалось, время было не властно над ним, к 1918 году, когда в его деревню докатились отзвуки Великого Октября, Матвею Кузьмичу стукнуло уже 60 лет, но именно в этом году у него родилась дочь Лидия. Было у него к тому времени уже и несколько внуков...

Революцию 1917 года семья Кузьминых встретила не то чтобы настороженно, но и без ярких эмоций, в отличие от большинства односельчан. Сам глава семьи Матвей Кузьмин с крестьянской рассудительностью полагал, что власть властью, а работа работой. И продолжал жить прежней жизнью, как и вся семья.

После революции Кузьмин не стал вступать в местный колхоз «Рассвет», остался, как тогда говорили, единоличником. Помимо обычного крестьянского труда, промыслял охотой и рыбной ловлей. По свидетельствам односельчан, был он угрюм и нелюдим, за что земляки прозвали его «бирюком», а кое-кто и вовсе подозревал в контрреволюционных настроениях. Тем не менее в суровые 1930-е годы Кузьмина не тронули. Доносы на него, может, и были, но, вероятно, в НКВД решили: какой враг народа из почти 80-летнего старика!

С началом Великой Отечественной войны, когда части Красной Армии отступали на восток, многие соседи Кузьмина уехали в эвакуацию, но сам он с семьёй решил остаться в родной деревне. В августе 1941 года Псковскую область оккупировали гитлеровцы. В Куракино устроили комендатуру, в доме Кузьминых, как одном из лучших в деревне, поселился комендант. Хозяевам пришлось жить в сараях и подсобках.

Как это часто бывало на оккупированных советских территориях, фашисты и здесь пытались найти опору среди местного населения. Узнав, что Кузьмин не коммунист и не член колхоза, немцы предложили ему должность деревенского старосты. Поблагодарив за доверие, старик отказался: мол, куда ему, и глуховат уже стал, и подслеповат. Тем не менее он произвёл на фашистов впечатление полностью лояльного к новым порядкам человека, и в знак доверия они даже не стали конфисковывать у него старое охотничье ружьё.

В начале февраля 1942 года после завершения Торопецко-Холмской операции части советской 3-й ударной армии заняли оборонительные позиции в деревне Першино, расположенной за густым лесом в 6 километрах от Куракино, куда в это же время был переброшен из Баварии батальон немецкой 1-й горнострелковой дивизии. Перед ним гитлеровское командование поставило задачу выйти в тыл советским войскам в ходе планирующегося контрнаступления в районе Малкинских высот и произвести прорыв. Но для этой операции немцам требовался проводник из местных, и они вспомнили о 83-летнем Матвее Кузьмине.

13 февраля 1942 года командир фашистского батальона проводил, склонившись над картой, совещание со своими офицерами о предстоящей атаке на позиции Красной Армии. На совещание немцы вызвали Матвея Кузьмина, который пришёл в избу вместе

со своим 14-летним внуком Васей. Не обращая внимания на мальчишку, немецкий комбат, немного говоривший по-русски, обратился к Матвею Кузьмину с предложением ночью лесными тропами проводить немецких солдат в Першино, чтобы неожиданно для советских войск атаковать Малкинские высоты. Фашист пригласил Кузьмина посмотреть расположение на карте, но тот только махнул рукой: «Не понимаю я ничего в ваших картах. Но места тамошние знаю хорошо, дорогу показать могу. Не раз там охотился...».

«Зер гут! Ты есть хороший старик! — обрадовался немец. И добавил: — За такой помощь твоя семья получить от нас деньги, мука, керосин. А ты получать от меня новый охотничий ружьё, немецкая марка «Зауэр»! Через три часа мы выступать из деревни. Будь готов».

Матвей Кузьмич кивнул в знак согласия, с поклоном поблагодарил за подарок, но ружьё поставил в угол избы со словами: «Этой ночью оно мне не понадобится. Не на охоту же идём...»

«Нет! На охота! Для нас — на охота!» — косноязычно попытался сострить фашист. И направился в другой конец избы, где, склонившись над картой, что-то обсуждали другие офицеры.

А Кузьмин, убедившись, что немец отошёл достаточно далеко, быстро шепнул внуку: «Сейчас же дуй через лес к нашим, Вася. Часа за полтора-два дойдёшь. Преду-преду, чтобы ночью подготовили засаду на окраине леса у большой лесной опушки перед высотой у Першино. К рассвету я приведу туда немцев...»

Мальчик стремительно исчез, а Кузьмич отправился собираться в дорогу. Ещё через несколько часов немногочисленные односельчане, узнав, что Матвей Кузьмин нанялся к оккупантам проводником, с ненавистью смотрели вслед ему и уходящей немецкой колонне из окон своих избышек, цедя сквозь зубы: «Подлец, предатель, контрик...»

Они, разумеется, не ведали о плане старика. А Кузьмин несколько часов, до самого рассвета водил фашистов по лесу различными окольными тропами и наконец к условленному времени вывел немецкий батальон горных егерей в белых масках в указанное им внуку место. Там фашистов уже поджидал организовавший засаду 2-й

батальон 31-й отдельной курсантской стрелковой бригады Красной Армии. Не успел хвост фашистской колонны выйти из леса, как по немцам с трёх сторон — с фронта и обоих флангов — был открыт ураганный пулемётный огонь.

Советские пулемёты били по фашистам почти в упор. Немцы, как загнанные звери, метались по открытой местности, на которую их вывел Кузьмин, и один за другим падали, обагрят кровью февральский снег. Многие фашисты погибли, не успев даже сообразить, в чём дело. А пулемёты били и били с трёх сторон, вспарывая снежную равнину и укладывая на окровавленный февральский снег всё новых гитлеровцев.

Опомнившись, некоторые немцы бросились в лес, но уже и там, за кустами, сердито рокотали автоматы советских солдат. Кольцо вокруг немцев замкнулось...

Фашисты, бросив ставшие бесполезными лыжи, с криками ужаса метались по поляне, увязая в сухом снегу. А сверкающий наст всё больше покрывался кроваво-грязными комьями маскировочных халатов. Опомнившись, командир немцев бросился к Матвею Кузьмичу, выкрикивая: «Ты есть обманщик, старик! Тебя есть расстрелять!»

Матвей Кузьмин всё это время стоял на холмике с обнажённой головой. Его было видно издалека. Ветер трепал его бороду, развевал седые волосы, обрамлявшие лысину. Глаза его, сузившиеся, помолодевшие, насмешливо сверкали из-под дремучих бровей. Он торжествующе следил за тем, как, даже не пытаясь обороняться, словно стадо овец, метались немцы по лесной опушке.

А фашистский комбат с каким-то мистическим ужасом смотрел на этого лесного человека, со спокойным торжеством стоявшего среди поляны, по которой гуляла смерть. Потом нервным рывком выхватил парабеллум и навёл его в лоб старику.

Матвей Кузьмин усмехнулся ему в лицо издевательски и бесстрашно. Он заметил, что советские пулемётчики боятся его зацепить и не стреляют в сторону пригорка, на котором он стоял. Немцы тоже заметили это и старались бежать к лесу, прикрываясь пригорком. Некоторые из них, преодолевая последние сугробы, были уже близко к спасительной чаще.

Видя это, Кузьмин взмахнул мохнатой шапкой и крикнул что было силы в сторону позиций красноармейцев:

— Сынки! Не жалеите старика Матвея, секите их хлеще, чтоб ни одна гадюка не уползла! Бейте проклятых врагов...

Не договорив, он охнул и стал медленно оседать на землю: фашистский офицер разрядил в него всю обойму из своего парабеллума. Но и убийце-фашисту не удалось уйти. Не сделав и двух шагов, он упал, подрубленный пулемётной очередью.

А в овраге уже возникло и, нарастая, катилось по полю «ура». Стреляя на ходу, советские бойцы добивали последних фашистов. Всего за какой-то час немецкий батальон был практически полностью уничтожен, лишь несколько раненых фашистов попали в плен...

Так прожил последний день своей долгой жизни Матвей Кузьмин, простой советский крестьянин, показавший себя великим патриотом своей Родины.

После боя красноармейцы бережно положили тело героя на носилки, и отряд советских солдат направился через тот же лес в деревню Куракино в сопровождении с трудом сдерживавшего слёзы внука Матвея Кузьмича, того самого 14-летнего Василия, который и принёс нашим войскам весточку от «советского Сусанина». Неожиданной и стремительной атакой красноармейцы уничтожили оставленный в селе фашистский гарнизон, а затем вместе с селянами, которым рассказали о подвиге их земляка, похоронили Матвея Кузьмина со всеми воинскими почестями и оружейным салютом над могилой. Уже позднее, после войны, благодарные односельчане воздвигли на могиле Матвея Кузьмина скромный памятник с пятиконечной звездой на фасадной плите. Такой же монумент был установлен и на месте гибели героя — на холме близ лесной опушки у села Першино. А ещё чуть позднее прах Матвея Кузьмина вместе с памятником был перенесён из деревни Куракино на братское кладбище героев войны в райцентр Великие Луки...

Известие о подвиге «советского Сусанина» — Матвея Кузьмина, со слов участников того боя и очевидцев, стало темой для ряда публикаций о его героизме военных корреспондентов, подробно описавших ту февральскую ночь и утро следующего дня в своих газетах. А известный писатель Борис Полевой посвятил этой теме целый художественный рассказ под названием «Последний день Матвея Кузьмина».

Удивительно, но долгое время подвиг псковского крестьянина, в отличие от того же Ивана Сусанина, оставался вне поля зрения государства: Кузьмин даже не был представлен к какой-либо государственной награде! Казалось бы, абсурдная ситуация, но ей нашлось, пусть и бюрократическое, но объяснение. Дело в том, что представить Матвея Кузьмина к государственной награде... было в то время просто некому. Он не был ни кадровым военным служащим, ни партизаном, ни подпольщиком, а находился просто в статусе «жителя временно оккупированной территории». Много лет ушло на исправление этой несправедливости.

Наконец, спустя 20 лет после окончания Великой Отечественной войны, 8 мая 1965 года Матвею Кузьмичу Кузьмину Указом Президиума Верховного Совета СССР было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал, хоть и посмертно, самым старшим в истории этой награды её лауреатом, совершив свой подвиг в возрасте 83 лет. А звание Героя было присвоено ему, когда с момента рождения Кузьмина прошло уже 106 лет. Награды — «Золотую Звезду» Героя и орден Ленина получали тогда за Матвея Кузьмича уже его внуки...

Долгое время единственными памятниками Матвею Кузьмину оставались монументы на его могиле и на месте героической гибели. И вот относительно недавно появился ещё один: он был открыт в вестибюле станции метро «Партизанская» московского метрополитена. На табличке, прикреплённой к величественной статуе работы известного скульптора Матвея Манизера, начертаны слова: «Матвей Кузьмин повторил подвиг Ивана Сусанина в битве за Москву». Здесь, правда, есть неточность: к моменту совершения Кузьминым его подвига битва под Москвой уже завершилась разгромом фашистских войск у стен столицы. Но неточность эта всё же простительна: каждый патриот своей страны, как мог, защищал от фашистов свою Родину, а значит — и её столицу, проявляя в ту лихую годину великую силу духа, самоотверженность и отвагу. Именно так, как это сделал в феврале 1942 года наш «советский Сусанин» — Матвей Кузьмич Кузьмин.

Поэтому, оказавшись, случайно или нет, на станции метро «Партизанская», остановитесь у памятника с надписью «Герой Советского Союза Матвей Кузьмич

Кузьмин» и поклонитесь ему. Ведь без таких людей, как он, и их бессмертных подвигов нашей Родины могло бы сегодня и не быть.